

Теңь за минарәтом - 2

Сергей Шаповалов

18+

Сергей Шаповалов

Тень за минаретом-2

«Автор»

2026

Шаповалов С.

Тень за минаретом-2 / С. Шаповалов — «Автор», 2026

Она сбежала. Но он — на свободе. Прошёл год. Елена живёт одна, боится телевизора, не спит без кошмаров. Красная земля, минарет, голос муэдзина — прошлое не отпускает. Пока однажды она не натывается на чужую исповедь — и не решается заговорить. Так рождается «Вернись»: горячая линия для женщин, попавших в ту же ловушку. Но помощь другим не заглушает главного вопроса: что делать с тем, кто сломал тебя? А потом она видит его фотографию в соцсетях. Кемаль. Живой. Улыбается. Снова охотится на русских девушек. И тогда Елена создаёт фальшивый аккаунт, покупает билет в Москву и достаёт пистолет.

Содержание

Глава	5
Глава	6
Глава	10
Глава 2. Идея	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тень за минаретом-2

Глава

Тень над минаретом — 2

Глава

Пролог. Точка на карте

Год — это много и мало одновременно.

Достаточно, чтобы кожа затянулась, а шрамы побледнели и стали почти незаметны под одеждой. Достаточно, чтобы научиться не вздрагивать от каждого телефонного звонка. Достаточно, чтобы забыть вкус пыли на губах и запах овечьей шерсти, пропитавший всё — одежду, волосы, сны. Но недостаточно, чтобы перестать слышать голос муэдзина в тишине. Чтобы перестать видеть красную землю, когда закрываешь глаза. Чтобы перестать считать. Всегда считать — про себя, беззвучно, одними губами. Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Елена жила одна.

Купленная ей родителями квартира на семнадцатом этаже в спальном районе Москвы — коробка из стекла и бетона, подвешенная между небом и землёй. Она выбрала её специально: высоко, тихо, без соседей за стеной. Без людей. Без жизни. Квартира напоминала больничную палату — та же стерильная чистота, тот же минимум вещей, то же ощущение временности. Как будто она всё ещё не вернулась. Как будто она всё ещё там — в горах, в сарае, на продавленном матрасе, — а это, московское, лишь сон. Или наоборот: то был сон, а это — явь. Она уже не различала.

Она работала удалённо — корректором в издательстве. Чужие тексты, чужие ошибки, чужие слова. Это успокаивало. В чужом тексте нет опасности. В чужом тексте можно спрятаться, как в норе. Она правила запятые, согласования, факты — и ни о чём не думала. Мысли были запрещены. Мысли вели к воспоминаниям. Воспоминания — к тому, что врачи называли «рецидивом».

Телевизора в квартире не было. Мать предлагала купить — она отказалась. Не объяснила. Просто сказала: «Нет». И мать поняла. Теперь она всегда понимала — слишком поздно, но понимала. Они вообще стали говорить меньше — мать и дочь. Слова между ними были как мины: никогда не знаешь, какое взорвётся. «Помнишь?» — нельзя. «Когда ты...» — нельзя. «А вот Сергей...» — нельзя, нельзя, нельзя. И они молчали. Долго, уютно, почти комфортно молчали — два человека, которых связывает не общая радость, а общая боль. Это тоже связь. Может быть, самая прочная.

С отцом было иначе. Отец не умел молчать — он был военным, он привык к приказам и докладам, к чётким формулировкам, к миру, где у каждой проблемы есть решение. А здесь решения не было. И он терялся. Он смотрел на дочь и не узнавал её — и от этого в его глазах появлялось что-то беспомощное, почти детское. Он, прошедший Афганистан и Чечню, не знал, как разговаривать с собственной дочерью. И она не знала, как ему помочь. Они оба страдали — каждый в своём окопе, разделённые полосой невысказанного.

По ночам приходил сон.

Всегда один и тот же. Красная земля под босыми ногами — тёплая, липкая, как свежая глина. Минарет на фоне выцветшего неба — тонкий, как игла, пронзающая синеву. И

голос. Гортанный, тягучий, плывущий над горами. Азан. Или не азан — музыка, построенная на азане, на его ритме, на его безысходности. И она стоит во дворе — босая, в грязной кофте, с огромным животом, — и смотрит, как Окан пробует плетть на ладони. Смотрит и считает. И паук Ибрагим плетёт свою паутину в углу сарая — методично, терпеливо, как швея, сшивающая края раны.

Она просыпалась в четыре утра — всегда в одно и то же время, за минуту до азана, которого не было слышно в Москве, но который всё равно звучал у неё в голове. Лежала в темноте и смотрела в потолок. Потолок был белым, ровным, без трещин — не то что в сарае. Но ей всё равно казалось, что по нему ползёт паук. Что он плетёт свою паутину — нить за нитью, год за годом. И однажды эта паутина затянет её всю — с головой, с мыслями, с тем немногим, что осталось от прежней Елены.

Врачи говорили: «Прогресс очевиден». Врачи говорили: «Пациентка восстановила социальные навыки». Врачи говорили: «Рекомендована выписка».

Но они не знали — да и откуда им было знать, — что «восстановленные социальные навыки» — это всего лишь умение улыбаться, когда хочется кричать. И говорить «всё хорошо», когда внутри — сарай, красная земля и голос муэдзина.

Она просто научилась не подавать виду.

Это ведь и называется «выздоровление», правда? Когда ты перестаёшь пугать окружающих.

Тот вечер ничем не отличался от других.

Она сидела на диване с ноутбуком на коленях — единственная привычка, оставшаяся от прежней жизни. Прежняя Елена любила соцсети: лайки, комментарии, фотографии еды и закатов, бесконечная лента чужого счастья. Нынешняя Елена соцсети презирала — но всё равно листала. Машинально. Как курильщик, бросивший год назад, всё ещё тянется к пачке. Как узник, вышедший на свободу, всё ещё ждёт команды.

Лента текла — серая, однообразная, как вода в Москве-реке. Знакомые женились, рожали, покупали квартиры, ходили на йогу, запускали стартапы, путешествовали. Чужая жизнь была полна красок, движения, звуков. Её жизнь была — пауза. Тире между «тогда» и «потом». Многоточие, которое неизвестно когда закончится.

И вдруг — она замерла.

Пост. Всего несколько абзацев текста — но она вцепилась в них глазами, как утопающий вцепляется в край лодки. Фотография: женщина, молодая, но с лицом, на котором словно выжжено что-то важное. Русые волосы, усталые глаза. Она стояла на фоне пальм — но не туристическая пальма, не «отель пять звёзд», а обычная, пыльная, придорожная. И подпись:

«Три года в арабском гареме. Три года без паспорта, без телефона, без права выйти за дверь. Я сбежала через окно. Я хочу, чтобы мой опыт помог другим. Если ты прошла через такое — ты не одна. Напиши мне».

Елена читала — и не могла оторваться.

Текст был длинный. История — методичная, страшная в своей будничности. Фитнес-клуб в Дубае. Знакомство с богатым бизнесменом — обаятельным, щедрым, говорящим правильные слова. Предложение руки. Переезд. Первые недели — сказка: шёлк, золото, белые розы. А потом — закрытые двери. Отобранный паспорт. «Ты теперь моя жена. Твоё место — дом». Гарем из четырёх женщин — две филиппинки, сирийка и она, русская. Общий быт, общая клетка. Контроль каждого шага. Наказания за малейшее неповиновение. И — бесконечное, сводящее с ума ожидание. Ожидание того, что будет дальше. Или того, что ничего не будет.

Побег — через три года. Окно второго этажа. Ночь. Филиппинская горничная, которая помогла, рискуя жизнью. Российское консульство. Депортация. Самолёт — и земля, русская земля, холодная, чужая, но свободная.

Елена дочитала — и отложила ноутбук.

В комнате было тихо. Только холодильник гудел на кухне, да соседский кот топал за стеной — звуки, которые она научилась различать за этот год, как различают голоса близких. Она сидела и смотрела перед собой. И впервые за долгое, очень долгое время она чувствовала не пустоту.

Она чувствовала узнавание.

Это не было похоже на радость. Скорее — на электрический разряд. Как будто внутри, в той чёрной мёртвой пустоте, которую она считала навсегда замёрзшей, вдруг что-то дрогнуло. Ледяная корка пошла трещиной. И оттуда, из трещины, потянуло — не теплом. Нет. Чем-то другим. Смыслом?

Она снова открыла ноутбук. Перечитала пост. Потом ещё раз. И ещё.

Девушку звали Марина. Под постом было четыреста комментариев. Одни писали: «Ты сильная». Другие: «Сама виновата, нечего было ехать». Третьи: «Пиар на костях». Четвёртые: «А можно поподробнее про гарем?» — со смайликами. Люди были всё те же. Люди всегда те же. Но Елена не читала комментарии. Она читала историю — и узнавала в ней свою. Не детали, нет. Другая страна, другие люди, другие обстоятельства. Но рисунок — тот же. Узор, вытканый на коже болью, унижением и безнадёжностью, — тот же самый узор.

Она просидела так до рассвета.

Когда за окном из чёрного стало серым, а потом сизым, а потом розовым — тем самым московским рассветом, который бывает только в феврале, — она всё ещё сидела с ноутбуком на коленях. Читала другие посты Марины. Смотрела её фотографии. Пыталась представить: как она живёт теперь? Как просыпается по утрам? Считает ли она тоже? Видит ли сны?

В семь утра она открыла личные сообщения.

Палец завис над клавиатурой. Что написать? «Я тоже»? Слишком просто. «Я вас понимаю»? Слишком пусто. «Со мной случилось то же самое»? Нет — не то же самое. У каждого свой ад. Но ад есть ад.

Она написала:

«Марина, здравствуйте. Меня зовут Елена. Год назад я вернулась из Турции. Я провела полгода в горной деревне в рабстве. Я не знаю, зачем вам пишу. Наверное, просто хочу сказать: я прочитала ваш пост. И впервые за год мне не страшно».

Она нажала «Отправить» — и замерла.

Сердце колотилось. Вот так, подумала она, наверное, бросаются в пропасть. Вот так, наверное, делают шаг с обрыва — не зная, что там, внизу. Вода? Камни? Или — кто знает? — может быть, крылья.

Ответ пришёл через двадцать минут.

«Елена, здравствуйте. Я знаю, зачем вы мне написали. Потому что больше никому. Я тоже так сделала — год назад. Написала первой женщине, которую нашла. И она мне ответила. И это спасло мне жизнь. Давайте созвонимся. Вы не одна».

Елена смотрела на экран. По щекам текли слёзы — она даже не заметила, когда они начались. Но это были не те слёзы, что в больнице. Не те, что в сарае. Это были другие. Тёплые. Живые.

Она взяла телефон и набрала номер.

За окном вставало солнце — бледное, февральское, но всё-таки солнце. Сосны в больничном парке, который был виден с семнадцатого этажа, стояли в инее и светились. Город просыпался. Где-то внизу шумели первые машины, хлопали двери подъездов, лаяли собаки. Жизнь шла своим чередом — та самая, из которой она выпала два года назад и в которую так и не смогла вернуться.

Но теперь — впервые — ей показалось, что это возможно.

Не сегодня. Не завтра. Но когда-нибудь.

Она набрала номер.

И где-то далеко, в другом городе, в другой квартире, у другой женщины зазвонил телефон.

Глава

Глава 1. Голос из пустыни

Они договорились созвониться вечером, но вечер наступил — и Елена струсилась.

Она ходила по квартире, держа телефон в руке, и не могла нажать кнопку. Пальцы не слушались. Сердце колотилось где-то в горле — то самое сердце, которое она за год научилась умирять, запирает, зашторивать, как окно в комнате, где лежит покойник. И вдруг — вот оно. Живое. Стучит.

О чём говорить? О чём можно говорить с человеком, которого ты никогда не видел, но который знает о тебе самое страшное? О чём говорят двое, прошедшие ад — разные ады, но с одинаковым запахом серы? Слова казались мелкими, как детская обувь на взрослую ногу. Не налезали. Жали.

«Давай созвонимся. Ты не одна».

Эта фраза жгла экран уже десять часов. Елена перечитывала её — три слова, простых, как вода, — и не могла понять, почему они так действуют на неё. Почему от трёх слов, написанных незнакомым человеком, внутри что-то сдвигается — как льдина весной, когда ещё не ледоход, но уже трещина пошла.

Она закурила у открытого окна. Морозный воздух обжёг лицо. Внизу, в колодце двора, горели жёлтые прямоугольники чужих окон — чужие жизни, чужие ужины, чужие разговоры. Там, в этих окнах, люди жили. По-настоящему. Без оглядки. Без внутреннего счётчика ударов. Они не знали, что такое — просыпаться в четыре утра от голоса, которого нет. Они не знали, каково это — быть мёртвой внутри живого тела. И Елена смотрела на них — не с завистью. С изумлением. Как смотрят на редкий вид бабочек: вот, оказывается, так тоже можно.

Она докурила, бросила окурок в банку — пепельницы в доме не было, пепельница предполагала гостей, — и нажала кнопку видеозвонка.

Гудок. Ещё гудок. Ещё.

А потом экран загорелся.

Марина оказалась не такой, как на фотографии.

На фотографии она была — жертва. Бледное лицо, усталые глаза, уголки губ опущены. А на видеозвонке — живая женщина. Короткая стрижка, лёгкий загар, красная помада. Она сидела где-то в светлой комнате, на фоне книжного стеллажа, и держала в руках большую кружку — кажется, с чаем. И улыбалась. Не дежурной улыбкой вежливости — а той, что начинается где-то внутри и медленно, как свет в окне, доходит до глаз.

— Ну, привет, — сказала она просто. — Я Марина.

— Я Лена.

Они замолчали. Смотрели друг на друга через экран — две женщины, разделённые тысячей километров, но соединённые чем-то более прочным, чем расстояние. Чем-то, чему Елена не могла подобрать названия. Общая беда? Нет, беда бывает разной. Общий опыт? Тоже нет — у каждой был свой ад, со своей географией, со своими действующими лицами. Может быть — узнавание. Как у двух ветеранов, воевавших на разных фронтах одной войны. Они никогда не видели друг друга. Но они узнают друг друга по глазам. По тому, как человек держит паузу. По тому, как он вздрагивает от определённых звуков. По тому, как он молчит — слишком долго, слишком умело, слишком привычно.

— Тяжело было написать? — спросила Марина.

— Очень.

— Я знаю. Я год собиралась. Год. Представляешь? — Она усмехнулась. — Ходила, смотрела на кнопку «отправить», и не могла. Думала: а вдруг она не ответит? А вдруг ответит? Что хуже?

— Ответить — хуже, — тихо сказала Елена.

Марина кивнула. Не просто кивнула — а поняла. Так кивают люди, которым не нужно объяснять.

— Расскажи, — сказала Елена. — Если можешь.

— Могу, — ответила Марина. — Теперь могу. А год назад не могла. Год назад я вообще не могла говорить. Меня как будто зашили изнутри — представляешь? Как старую куклу: нитки торчат, вата лезет, а рта нет. Рта вообще нет.

И она начала рассказывать.

Это была история, которую Елена уже читала в том самом посте, но читать — одно, а слышать из уст живого человека — совсем другое. Слова обретали плоть. Между строк проступали запахи. Между фактами — паузы, и в этих паузах было больше правды, чем в самих словах.

— Я уехала в Дубай в тридцать один, — говорила Марина, и голос её был ровным, спокойным, почти скучным — как будто она пересказывала вчерашний поход в магазин. — Вообще-то я не собиралась никуда уезжать. У меня была обычная жизнь. Работа в фитнес-клубе, тренером по йоге. Квартира в ипотеку. Кот. Знаешь, этот стандартный набор: тридцать лет, пора серьёзно, пора замуж, пора детей, все подруги уже, а ты всё ещё... И тут он.

Он появился в фитнес-клубе однажды вечером. Высокий, смуглый, в дорогом спортивном костюме — явно не из тех, кто покупает абонемент эконом-класса. Представился: Заид, бизнесмен из ОАЭ, в Москве по делам. Попросил индивидуальную тренировку. Она провела. Он попросил ещё одну. Потом — ужин. Потом — цветы. Потом — духи, те самые, французские, о которых она однажды упомянула в разговоре. Он запомнил. Он всё запоминал.

— Я влюбилась, — сказала Марина просто. — По-настоящему. До мурашек. До бабочек в животе. Я же была обычная девочка из Рязани. А тут — шейх. Ну, не шейх, бизнесмен, но какая разница. Он говорил мне такие слова... — Она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то горькое, как лекарство. — Ты знаешь, он Бродского мне цитировал. Бродского! «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку». На чистом русском, с лёгким акцентом. Я растаяла, конечно. Кто бы не растаял?

Через два месяца он сделал предложение. Кольцо — старинное, с изумрудом, семейная реликвия. Обещал, что она ни в чём не будет нуждаться. Что будет жить как королева. Что их дети унаследуют его бизнес. И она поверила. Уволилась. Продала квартиру — «зачем тебе эта ипотека, любимая, я куплю тебе дом у моря». И улетела.

Первые недели и правда были сказкой. Дворец — не дом, дворец. Мрамор, бассейн, сад с павлинами. Прислуга. Шопинг в Милан и Париж. Она писала подругам: «Девчонки, я самая счастливая женщина на свете». И верила в это. Искренне верила.

А потом паспорт исчез.

— Он сказал: «Любимая, так принято. Жена не должна выходить без разрешения. Это наша культура». Я подумала: ладно, культура, надо уважать. Я же, дура, «Ешь, молись, люби» смотрела. Думала: восточная сказка. Думала: надо просто привыкнуть.

Она помолчала, отпила чай. За окном у неё — Елена видела краем глаза — цвели какие-то розовые кусты. Не то олеандр, не то азалия. Что-то южное, теплое, живое. И от этого контраста — розовые цветы за окном и страшные слова внутри комнаты — становилось ещё тяжелее.

— А потом он привёл вторую жену, — сказала Марина. — И третью. И четвёртую. Мы жили все вместе. Филиппинки, сирийка и я. У каждой — своя комната. Свои часы посещения. Свой график. Как в публичном доме. Только бесплатно. Только навсегда.

Три года. Три года она прожила в золотой клетке — с павлинами в саду и замком на калитке. Без телефона. Без интернета. Без права позвонить матери. Три года она смотрела на павлинов и считала дни — сначала зарубками на спинке кровати, потом просто в уме, потому что зарубки заметила горничная и донесла. Её наказали — впервые. Не жестоко: просто заперли в комнате на три дня. Но она поняла: это только начало. Дальше будет хуже.

— Филиппинская горничная, — сказала Марина, и голос её впервые дрогнул. — Её звали Розалин. Маленькая, худая, как подросток, хотя ей было сорок. Она работала в доме уже десять лет и знала всё. Все выходы, все замки, всё расписание охраны. Однажды она пришла ко мне ночью и сказала: «Мадам, я знаю, как вас вывести. Но если нас поймают — меня убьют». Понимаешь? Убьют. Она это знала. И всё равно пришла.

Побег — окно второго этажа, приставная лестница в саду, проём в заборе за павильоном с павлинами. Машина, которую Розалин вызвала по какому-то своему каналу — старому, ещё филиппинскому. Аэропорт. Консульство. Самолёт в Москву.

— Когда я села в самолёт, — сказала Марина, — я не плакала. Вообще. Я три года не плакала — и тут не смогла. Я просто смотрела в иллюминатор, и внутри было — ничего. Вообще ничего. Как выжженная пустыня.

Она замолчала.

Елена молчала тоже.

Две женщины смотрели друг на друга через экран. И в этом молчании было больше слов, чем в любом разговоре.

— Ты говоришь об этом так спокойно, — сказала Елена. — Как будто это случилось не с тобой.

Марина усмехнулась — всё той же горькой усмешкой, которая, кажется, стала частью её лица, как шрам.

— Это не спокойствие, Лен. Это — наркоз. Я говорю об этом как под анестезией. Слова — чужие. Факты — чужие. Как будто я пересказываю фильм. Потому что если я хоть на секунду поверю, что это случилось со мной... — Она не договорила. Да и не нужно было.

Елена понимала. Она сама говорила так же — весь последний год. С психотерапевтом. С матерью. С отцом. С теми редкими людьми, которых ещё пускала в свою жизнь. Она говорила о горах, о сарае, о пастушьей плети — тем же ровным, бесцветным голосом, каким говорят о погоде. Это была не сила. Это была защита. Ледяная корка поверх раны — чтобы не трогали, чтобы не бередили, чтобы дали дожить до вечера.

— Я узнаю этот тон, — сказала Елена.

— Я знаю, — ответила Марина. — Поэтому я тебе и ответила. Понимаешь, Лен? Мне пишут много. После того поста — пятьдесят, сто сообщений в день. Кто-то поддерживает. Кто-то проклинает. Кто-то просит совета. Но я отвечаю только тем, у кого слышу — вот это. — Она показала пальцем куда-то в экран, и Елене показалось, что она показывает прямо ей в душу. — Этот голос. Голос человека, который говорит из-под льда. Из-под толщи воды. Ты говоришь — и между слов слышно, как ты считаешь. Ты ведь считаешь, да?

Елена вздрогнула.

— Считаю, — прошептала она.

— Я тоже. До сих пор. — Марина отпила чай. — Удары плети. Только у тебя была плеть, а у меня — нет. У меня не били. Меня просто запирали. Но я всё равно считала. Дни. Недели. Месяцы. До сих пор иногда просыпаюсь и думаю: какой сейчас день? Какой месяц? Который час? Будто я всё ещё там. Будто надо знать точное время, чтобы успеть подготовиться.

Они разговаривали пять часов.

Пять часов — это много для обычного разговора. Для разговора двух незнакомых людей — слишком много. Для разговора двух женщин, которые никогда не видели друг друга, — невозможно. Но для них пять часов пролетели как пять минут. Потому что они не были незнакомыми. Они были — сёстрами по несчастью, как ни банально это звучит. Сёстрами по той особой боли, которая не лечится временем, не забывается с годами, не стирается новыми впе-

чатлениями. Сёстрами по красной земле, по запертым дверям, по голосу муэдзина, который звучит в голове, когда вокруг — тишина.

Они рассказывали друг другу то, что не рассказывали никому.

Елена — про паука Ибрагима. Про то, как назвала плюшевого зайца его именем. Про то, как считает удары каждый вечер перед сном — и не может уснуть, пока не досчитает до ста. Про то, как вздрагивает от запаха нагретой пыли. Про то, как однажды в супермаркете услышала турецкую речь — и упала в обморок прямо у кассы, между хлебным отделом и стойкой с шоколадками.

Марина — про то, как не может смотреть на павлинов. Даже на картинках. Даже в документальных фильмах. Павлин для неё — не символ красоты. Павлин для неё — символ клетки. Про то, как каждое утро проверяет, на месте ли паспорт. Про то, как не может спать с закрытой дверью — только нараспашку. Про то, как однажды пошла на свидание с мужчиной — и, когда он взял её за руку, отшатнулась как от огня. Не потому что он был плохим. А потому что любое прикосновение теперь — угроза.

И с каждым словом, с каждой историей, с каждой слезинкой, которую они не стеснялись друг друга, лёд внутри Елены таял. Медленно. По капле. Как сосулька на весеннем солнце. Не весь. Не до конца. Но таял.

— Знаешь, сколько нас таких? — спросила Марина под утро.

За окном у Елены уже светало. Бледный февральский рассвет полз по стенам, обесцвечивая и без того серую комнату. На столе стояла пустая кружка из-под чая и полная окурков банка. Глаза слипались, но она не хотела заканчивать разговор.

— Не знаю, — ответила она. — Много?

— Тысячи. Десятки тысяч. Те, кто вернулся. И те, кто ещё там. В Турции, в ОАЭ, в Саудовской Аравии, в Египте, в Марокко, в Иордании. Русские, украинки, белоруски, молдаванки. В гаремах, в рабстве, в подпольных борделях, в горных деревнях. Знаешь, что я поняла за этот год? Мы все думаем, что мы — одна такая. Одна дура, которая поверила. Одна, которая ошиблась. И поэтому мы молчим. Потому что стыдно. Потому что страшно. Потому что «сама виновата».

Марина помолчала. Потом сказала — тихо, но с той сталью, которая появляется в голосе, когда человек перестаёт бояться:

— Тысячи. И мы ничего не делаем. Вообще ничего. У нас нет организации. У нас нет горячей линии. У нас нет адвокатов, нет психологов, нет поддержки. Мы сидим по своим квартирам, вздрагиваем от телефонных звонков и делаем вид, что всё нормально. Мы — армия без командира. Мы — голоса, которые никто не слышит. Понимаешь?

Елена понимала.

Эта фраза — «и мы ничего не делаем» — вошла в неё, как заноза входит в палец. Не больно — сначала. Просто что-то засело под кожей. И теперь, она знала, это будет зудеть. Чесаться. Мешать спать. Пока она что-нибудь не сделает.

Они попрощались в шесть утра. Договорились созвониться завтра. И послезавтра. И вообще — теперь каждый день.

Елена закрыла ноутбук, встала и подошла к окну. За окном вставало солнце — бледное, февральское, но всё-таки солнце. Сосны в больничном парке стояли в инее и светились. Город просыпался.

И внутри неё — впервые за год — что-то тоже просыпалось.

Она ещё не знала, что именно. Она ещё не знала, во что это выльется. Но она знала одно: Марина права. Их — тысячи. И они ничего не делают.

Пока.

Глава 2. Идея

Елена не спала трое суток.

Не то чтобы совсем — проваливалась в короткое, душное забытье под утро, но уже через час просыпалась, как от толчка. И снова лежала в темноте, глядя в потолок, где не было трещин, но где ей упорно мерещилась паутина. И снова в голове — слова Марины, крутящиеся по кругу, как заезженная пластинка: «И мы ничего не делаем. Вообще ничего».

Она ходила по квартире. От окна к двери. От двери к окну. Семнадцатый этаж — земля далеко, небо близко, а она между ними, как маятник. Тик — окно. Так — дверь. Тик — «я выжила». Так — «и что дальше?».

Курила у открытого окна, хотя на улице было минус пятнадцать. Холодный воздух обжигал лицо, забирался под ворот свитера, леденил пальцы — и это было хорошо. Это было правильно. Холод возвращал в тело. Напоминал, что она ещё здесь. Что она не в горах. Что она не в сарае.

«Я выжила. И что дальше?»

Вот вопрос, на который у неё не было ответа. Весь этот год она жила как в анабиозе — не жила, а переживала. Переживала день. Переживала ночь. Переживала месяц за месяцем, как поезда на станции: этот прошёл, и этот прошёл, а я всё стою. Она не строила планов — планы казались кощунством. После того, что случилось, планировать что-то было так же нелепо, как рисовать акварелью на пепле. Зачем? Всё равно сгорит. Всё равно рухнет.

Но теперь что-то изменилось.

Маленькое. Почти незаметное. Как первая капля воды, просочившаяся сквозь бетонную стену. Как первый росток, пробивший асфальт. Ещё ничего не видно. Ещё ничего не понятно. Но процесс уже пошёл.

Она докурила, бросила окуроч в банку — та уже была полна, как урна на вокзале, — и снова зашагала. Тик — окно. Так — дверь. Тик — «зачем я выжила?». Так — «чтобы бояться телевизора?».

Вот ради чего? Ради этого?

Ради того, чтобы вздрагивать от каждого мужского голоса в метро. Чтобы обходить стороной шаурмичные с их турецкой музыкой. Чтобы при виде гор на экране — любых гор, даже швейцарских — чувствовать спазм в животе. Чтобы в тридцать лет жить как старуха, у которой всё позади, а впереди — только аккуратные крестики в календаре: ещё один день пережит, ещё один, ещё один...

Она остановилась посреди комнаты.

Нет. Не ради этого.

Она выжила не для того, чтобы всю оставшуюся жизнь быть жертвой. Она выжила, потому что у неё хватило сил. Потому что доктор Озгюр Йылмаз набрал номер полиции. Потому что отец поднял на ноги МИД. Потому что турецкий спецназ открыл дверь сарая. Слишком много людей сделали слишком много, чтобы она сидела сейчас в бетонной коробке и считала дни до смерти.

Это было бы предательством. По отношению к ним. По отношению к себе. По отношению к той девочке, которая лежала на продавленном матрасе и всё равно — всё равно! — не сдавалась.

«И мы ничего не делаем».

Она подошла к столу, открыла ноутбук. Набрала Марину.

— Я придумала, — сказала она без предисловий. — Вернее, не придумала. Почувствовала.

— Говори, — ответила Марина. Голос был бодрым, хотя на часах — половина шестого утра.

— Давай сделаем что-то. Не блог. Не группу поддержки в фейсбуке. Не чатик «для своих». Что-то настоящее. Что-то, что реально поможет. Тем, кто ещё там. И тем, кто уже вернулся и не знает, как жить.

Молчание. Долгое. Такое долгое, что Елена уже подумала — связь прервалась.

А потом Марина сказала:

— Я ждала этого звонка. Честно. Я знала, что ты позвонишь. Не знала когда. Но знала, что позвонишь.

— Почему?

— Потому что у тебя тот же блеск в глазах, что у меня год назад. Когда я поняла: если не я — то кто?

Они провели за разговором ещё четыре часа. Только теперь это был не разговор-исповедь. Это был разговор-план. Две женщины — одна в Москве, другая в Питере, — сидели каждая у своего окна и строили организацию с нуля. Без денег. Без связей. Без опыта. Только с яростью — той самой холодной, очищенной от слёз яростью, которая приходит, когда слёзы уже выплаканы до дна.

Название пришло сразу. Даже не пришло — вспыхнуло, как лампочка в тёмной комнате.

«Вернись».

Не «Спасись». Не «Беги». Не «Освободись». А «Вернись». Потому что главное не убежать из ада — главное вернуться. Вернуться в себя. Вернуться в жизнь. Вернуться в мир, где ты не вещь, не товар, не тело для пользования, а человек. Женщина. Личность. Просто — ты.

— «Вернись», — повторила Марина, пробуя слово на вкус. — Хорошо. Как будто зовёшь домой.

— Да, — сказала Елена. — Именно.

Первые шаги были скромными — почти кустарными. Телеграм-канал: они написали первый пост вдвоём, прямо в гугл-доке, перебрасываясь комментариями. Спорили о каждом слове. Елена хотела жёстче, Марина — мягче. В итоге получилось что-то среднее: правда без прикрас, но и без крика. Просто: «Мы — те, кто прошёл через ад восточной сказки. Мы знаем, каково это. И мы здесь, чтобы помочь».

Анонимная горячая линия: они купили отдельный номер, настроили переадресацию на оба телефона. Чат-бот — простейший, на коленке, — чтобы женщина, которая ещё не готова говорить голосом, могла написать. Оставить сигнал. Дать знать, что она есть.

Денег не было. Марина работала тренером по йоге — теперь онлайн, потому что живые группы всё ещё вызывали у неё панику. Елена жила на пособие и редкие заказы от издательства. Но деньги — это единственное, чего им сейчас не было нужно. Им нужна была энергия. А энергии — за год молчания, за год пустоты — накопилось столько, что хватило бы на маленькую электростанцию.

— Мы справимся, — сказала Марина.

— Мы справимся, — повторила Елена.

И они поверили в это. Потому что когда двум людям, прошедшим через ад, больше нечего терять — они могут всё.

В тот вечер Елена впервые за год не считала перед сном.

Она легла — и вдруг поймала себя на том, что не слышит привычного ритма: одиннадцать, двенадцать, тринадцать... Его не было. Вместо него в голове звучало другое: планы, идеи, списки. Кому написать. Кого привлечь. Где взять юриста. Как выйти на консульство. Бесконечная, искрящаяся цепочка задач, каждая из которых вела к следующей.

И она уснула — легко, без снотворного, без кошмаров. Впервые за год.

А утром, открыв глаза, она поняла странную вещь. Ту самую, которую психотерапевты называют «инсайтом», а обычные люди — «озарением». Она поняла, что весь этот год она была мертва. Не физически — физически она дышала, ела, ходила, — а как-то иначе. По-настоящему. Внутренне. Та Елена, которая смеялась, строила планы, влюблялась, ссорилась, мечтала, — та Елена умерла в сарае. Или, может быть, не умерла — но впала в кому. Застыла, как мошка в янтаре. А теперь — теперь янтарь треснул. И оттуда, из глубины, робко, неуверенно, но всё же — показалась жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.